

Валерий КОЛОТВИН
ПЕСНИ
ПРИШЕДШИХ
ПТИЦ
Героический эпос детей

Новокузнецк
2019

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Творческое объединение
Круг Чистых
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Валерий КОЛОТВИН

ПЕСНИ ПРИШЕДШИХ ПТИЦ

Героический эпос детей

Новокузнецк
2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К61

КОЛОТВИН В. В.

К61 **Песни пришедших птиц** : героический эпос детей / Валерий Колотвин ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Творческое объединение *Круг Чистых*, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Издательство «Ник без Company», 2019. – 56 с.

12+

Поэма новокузнецкого поэта, художника и философа.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Колотвин В.В., 2019

Фото Марины Колотвиной

КОЛОТВИН Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в Новокузнецке. В 1981 г. закончил строительный техникум, затем служил в армии. Художник. Организовал творческую группу художников и поэтов *Круг Чистых*. Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г.

В КЛФ «Контакт» пришел в 1978 г. Пишет стихи и прозу. Прозу писал и самостоятельно, и в соавторстве. Первая публикация – юмореска из цикла «Из космических озарений» под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин) – в газете «Комсомолец Кузбасса» (Кемерово) 26 января 1980 г. Сборник стихов «Серебряный мед» (совместно с Мариной Колотвиной) выпущен в Новокузнецке в 2008 году.

Говорю вам ещё раз — остановитесь.
Но никто из вас не желает оглядеться вокруг
и узнать покой.
Те же из вас, кто взглянет за плечо своё,
увидят ужас, влекущийся по их стопам —
и онемеют они.

Говорю вам — идите.
Но никто из вас не хочет сдвинуться с места
и узнать счастье действия.
Те же из вас, кто ищет его,
жаждут лишь шума и суеты
и глаза их затянуты бельмами,
а руки дрожат и нечисты.

Говорю вам иное, нежели то, что было до
и будет после.
Но слух ваш запечатлён
и никто из вас не слышит меня.
И тогда призову птиц —
И явятся птицы.
И буду просить их петь вам —
И будут петь.

Эй-й-й-я, Эй-й-й-я!
Эй-й-й-я, Эй-й-й-я!
Ох-хо-хо, Ох-хо-хо!
Ох-хо-хо

Ох-хо-хо-о!

Летят летят перья
Летят летят серые
Летят летят в небе
Летят летят чёрные
Ох-хо-хо, Ох-хо
Ох-хо-хо

Ох-хо-хо-о-о!

Летят летят — нигде, ничто, никакие, никуда
никак

никак

летят, не летят. Не хотите не хотят, не летят,
хотят не несут. Не тут, тут - тут —

ут...ут...ут...

Красная звезда встаёт

Холодом несёт несёт

несёт несёт

несёт несёт

несёт

несёт.

Траву уже унёс январь
унёс
Всю унёс.
Свистом последних ветров
Откликнулись ущелья предгорных каньонов
И умолкли в ожидании лучших песен.
Белое легло на землю
Белое поднялось в небо
Белое
Белое.
Холод запустил свои пальцы
В сердце лесов что впереди
лесов что позади
В сердце равнин что вокруг.
Всем кто мечтал, стало тоскливо
А все кто молчал – продолжали молчать
Но что-то не так было в их молчании
А Тэмэ ушёл.
Стало меньше света
И меньше тепла
Он ушёл
Он не сказал, что придёт
И вас перестала радовать соль. А меня?
Меня не радовало гладкое.
Но я была с ним.
Вы все слушали меня,
Когда я, положив руки на колени,
Откинула назад голову и закрыла глаза —
Вы все смотрели на меня
Смотрели и ждали.
В глазах таял вопрос,
Но я закрыла глаза
И стала поворачивать Всё
Внутри стало больно как всегда
Но поворачивать надо было много.
Я не стала ждать —
Стало больнее.
Я не стала ждать.
Я хотела быть с ним —
И я стала с ним.

Он был совсем не здесь
Совсем совсем в другом месте
И там тоже был лес
Лес что позади

и

Лес что впереди
Но нас там не было
И это был другой лес
И другая равнина

Хотя всё было то же

Только было совсем совсем холодно.

Я открыла глаза — посмотрела на вас
Все ждали
Но я молча закрыла глаза.

А он шёл
Он не знал что я с ним
И молчал
И я почему-то молчала
Я сразу поняла
Что слова не хотят быть там где Тэмэ.

Он шёл опуская ноги в белое
А я поворачивала Всё так
Чтобы видеть его
Со спины и в лицо и сбоку
И так как видят только изнутри
Но всюду не было нас
И не было даже меня
Хоть я и была с ним.
Снизу я видела как белое плавится
и исчезает под его ногами
Сверху
Совсем сверху

он был мал и чёрен
Казалось сквозняк гонит чёрную крошку
по белой скатерти
Потом вы спросили — зачем он ушёл?

Но я не открыла глаз.
И губы мои не открылись
Но вы узнали что он от нас устал
И никто не спросил более ничего
Только Март как старший шепнул — Метэ.
Но я не ответила.

Когда время течёт сквозь пальцы
Когда лица текут сквозь пальцы
Обжигающим мёдом ночи
Вы намазываете хлеб солнца
Дайте

Оставьте
Больше
Меньше
Больше

Повернитесь когда вы ждёте
К полногрудой и ласковой ночи
Повернитесь когда вы ждёте
К длинногривой и белозлатной
Звоньте к надежде

Меньше
Больше
Меньше

Отвернитесь!
Повернитесь!

Свейте!
Отрежьте!
Корни несите

Больше
Больше
Меньше.

Дальше шёл Тэмэ
Дальше шёл и дальше
Выше и ниже
Ниже и выше
Начался кустарник

и кончился

Ручей тѣк под плѣнкой льда.
И дальше течѣт — позади
Там где ручей уходил в кустарник,
Справа —
Вышел из ручья человек без лица
И ушѣл он куда-то в сторону.
Тѣмэ не видел его,
Не видел,
Как слева
Где ручей падал в овраг космами застывших струй
Вышла из облака белая лошадь —
Лошадь с кровавой короной.
Заржала лошадь тихо и сладко и ушла в лёд
А лёд задрожал:
Запел —
Рассыпался мелкой пылью.
И остановился ручей над пустым склоном
И никого и ничего больше там никогда не было.
Начался лес:
Встали вокруг тысячелетние стволы как скалы
Легли под ноги корни
Листья ещѣ не все опали, и дышал лес теплом.
Справа, глубоко в чаще
Вышли из деревьев Те Кто Смотрит Ночью
и задирали друг друга
Слабейший одолел сильнейшего и простил,
Но Тѣмэ этого не видел.
Слева, в самой дремучей чаще
Выросли из земли огненные цветы
Тихо звенели
Касались друг друга
Вздрагивали
Вспыхнули вдруг и пропали.
Одна искра осталась;
Выпорхнула на поляну и занялась поляна сухого
папоротника
и сгорела
А Тѣмэ только слабый отсвет видел меж ветвей
Шѣл Тѣмэ
Шѣл
Ушѣл Тѣмэ.

Причины и связи наперечёт:
Течёт похоронный реквием — Стикс
Оборванный Сфинкс
В лугах за рекою
Водит с собою
Бедную девочку Метэ
Метэ
О, Метэ
Метэ
Метэ
Метэ
И прислушиваясь к последним струнам
Слишком юным
И неразборчиво лунным
Взбивает ночь
Точь в точь
Непослушная дочь
Этэм
О, Этэм
Этэм
Этэм
Этэм
Этэм
Вечер пожара ещё за горой
Пой и забудь о Машине Добра
Клятва затверженная тобой
Словно железо
Словно кимвал
Словно олива
Славный братец
Тэмэ
О, Тэмэ
Тэмэ
Тэмэ
Тэмэ
Тэмэ
Двенадцать их было
Двенадцать.
Но десятеро ушли из равнины среди лесов,
Десятеро братьев и сестёр.

Вот их имена

Март — самый старший,
Который помнит что было
Кай — который помнил что будет
Авес — плетущая плети дождей
Мемо — забывшая отдых и сон
и
Соло — смеющийся громче
самых седых гроз

Братья и сестры

Асмос — грустный Асмос,
Стоящий на страже
Геля — мнущая пальцами день
Эстэр — зовущая ветер всегда
Момгур-Красивый
и
Шевелящая землю Имгар.

Так и ушли они

Ведя с собою Метэ
Которой не было с ними.

Кружит песок время

Сжимается кольцо лет

Листья прощаются с ветками

Это дорога.

Караваны тропы, которая ведёт нас всё дальше и дальше
от истока нашей жизни

Ваш погонщик устал

И хочет спать

Но нет хвороста для костра

И старый родник ушёл со своего места

Соскучившись среди чёрных камней и белых деревьев.

Так что не будет сна

Не будет тепла

И сладкая влага не растопит жаркую глыбу жажды

Но встретим мы, быть может

Другую жажду

Которая озарит наш путь озёрным свечением трав

Так шла за ним ты,
Отвергая обломки следов его.
А замученный голубь
Летел высоко над тобой.
А мох и сучья сдвигались молча
но не менялись.

Лицо долины менялось
Морщины легли возле губ
Покрылся лоб складками происшествий
Нос заострился
И взгляд потух,
А ты всё текла и текла
Навстречу тому

чего быть не могло.

Как хотелось огню
Прикоснуться к твоим плечам
Как хотелось огню
забыть

Где ночуют стрекозы
и где
Расцветает ночами гриб Лейшенцзюнь

Ты прятала плечи свои
Ты повивала их ветром
Ты укрывала их влагой дождей
Метэ

Как же кричал огонь
Как же он грыз тело земли
Шаг за шагом

теряя тебя

Как он молчал
Сурово ступая на плиты плато
Вступая в бессонный мир высоких камней
И детских испуганных криков.
Красный огонь — прощай мой спутник
Дошедший до края судьбы за мной
Я не обернусь.

Не надо, Метэ, он скоро забудет тебя.
Взгляни в глаза великанов:
Они полны облаков
Они светлы и торжественно грозны.

Красное мешается с синим.

Конец империи Капа-ну-о
наступил сразу после ухода кометы.
Двенадцать ночей
она летела из конца в конец небесного котла,
собирая вокруг себя звёзды луны и ночных упырей.
Она дошла до конца и всех увела с собой.
Утром взошёл Великий Свет
и от него к земле протянулись неувядающие молнии
Там, где они касались земли, вставал туман
Этот туман также был светом.
Свет стал везде
Свет стал всем
Ничто не могло скрыться в тени
Ни человек
Ни собака
Ни дерево
Ни колос
Не было ни малейшей складки, ни впадины, ни щели
где сохранилась бы тьма
Цвета исчезли.
Всё стало белым и сверкающим
Всё утратило конец и начало
Всё смешалось.
Никто не помнил долга и не помнил чего хотел
Люди забыли когда родились и забыли о том что умрут
Забыли о хлебе и воде.
Они видели лишь то, на что смотрели их глаза
Но и глаза их смотрели недалеко.
Звери пришли из лесов и заговорили о тайном
Но не было уже тайного
Не было и явного.
Волки легли с ягнятами
и те приняли их как приняли бы отца или мать

Это было в Год Воробья
Была осень
дня не запомнил никто.

Синее мешается с красным.

Позади ночлег. Пустые стены. Голод, голод, голод.
Ели, ели. Густые тёмные ели нависли
Молчат над шорохом миллиардов высохших игл.
Царство портных
Сплошной мохнатый полог над и под
И песок и хвоя всё вместе, всё нераздельно
колючий колючая.
Осы в углу затеяли карнавал
Праздник жёлто-чёрных гудящих швейных машин
Колючих машин.
Где у осы сердце?
Сон был тяжёл. Он не запомнил сна
Что-то тягучее бессмысленное и горькое
Как осиный мёд
И утро холодное.
Капли висящие на концах хвойных лучей
Тишина.
Ни птичьих вскриков ни шагов ни голосов
Ни единого звука.
И бесшумно ходят вокруг стёны
пустые шершавые стены из глины с соломой
Мнут голову.

С тех пор много шагов
Много движений
Много теней
То длинных, то коротких и снова длинных.
И вот теперь – край.
И прибой души на краю голубой земли
До края, вниз, тянется цепочка светляков
А далее ничего.
Неужели они так и уходят туда, за край?
Вначале всё мимо мимо — и вдруг сразу туда
В морок
В провал
За ним лишь прилив.
Тэмэ на колени встал
И стоял так пока последний из жуков не пересёк черты
Он не смог бы так
Тэмэ не уходил.

Кружитесь кружитесь листья
Летите летите дальше
Вернитесь вернитесь снова
Всё будет всё будет ваше

Грубейте грубейте руки
Носите носите руки
Кладите кладите руки
Убейте меня, убейте

Как же мне жить без тебя
Кто заплетёт мои косы
Как же мне быть без тебя
Кто мне расскажет сказку
Как мне забыть теперь
Ласку
Ласку
Ласку.

Тёмная кровь. Прибой.
И зародыши чёрных кругов
в голубом сыром сыром песке.
Прибой океана души
на краю голубой земли.

Красное мешается с синим.

Два раза подымался Великий Свет над его головой
и два раза уходил за край.
Иногда птицы улетали туда и не возвращались
Не было оттуда ни дуновения, ни движения, ни знака
Два дня и две ночи.
И только к концу второй ночи
шелохнулось что-то и кто-то вышел
Прямо и из ничего
Наступил на край и вошёл.

Сжимала дверь тупой квадрат
Мороз в скрещеньи половиц
И хриплый свет сквозь хриплый верх
Вступал в лицо и падал ниц
И жгла обломанная клеть
Ломая грудь уснувших блиц
И прожигала до костей
Ладони вместо рукавиц
И шла седельная игра
На бархате продольных слёз
И хохотали шулера
И всё сжигая шёл мороз.

Рожало облако кудель
Свернувшись в тёмной мокрой коже
Стонал, стонал, стонал, стонал
Остывший свет на смертном ложе.
Какая разница, зачем
На кончиках твоих ресниц
Дрожал дробясь искристый смех
И падал ниц и падал ниц.

Прощальная музыка хороша зимними вечерами
Когда согретая комната наполняется переливчатыми
сумерками
и круг тебя сжимается до размеров крохотной песчинки
утонувшей в мякоти дивана но подхваченной
и навсегда унесённой счастливыми и до опьянения
грустными звуками.

Это конец песни второй.

Всё это будет
Всё это будет накануне тебя,
Пришедшей срывать цветы,
Пришедшей из тёплых меховых пещер
Зелёного Края цветущих вод.

Ах, всё опять накануне тебя.

Пришелец с глазами хрустально-прозрачными
Принёс мне твои крылья —
Задолго до смены сезона —
Я их смял и положил на стол
Они лежали там год, тихо расправляясь.
Через год я брал их губами
Они пели.
На них не было времени.

Стёрлись высохшие стены
Как-то мимо и случайно
Заискрившиеся вены
Уходили в землю тайно.

По заснувшему бездолью
По открытым свежим ранам
Тайно скрытно и безбожно
Уходили караваны.

Уходили навсегда, оставляя пепелища
Наигрались господа
Позабыли города
Но ведь ищем, ищем.

И стрельнёт под облаками
Пролетевшая звезда
Ходим, ищем ищем ищем
Никогда, никогда.

Стёрлись знаки на камнях
Поседевших помрачневших
А за ними только прах
На дорогах и скворешнях

Уходили и ушли
Только звякнула уздечка
Молодые кобели — принесли
Мне железное колечко.

Ковыль листает ураган
Высшая радость полёта пчёл,
Унесённых от дома на миллион
Изнеможённых взмахов редких ресниц.
Ты сдвинул шлем тылом ладони
И прокричал в ветер, — Мёда не будет этой осенью!
Твой брат глянул тебе в глаза,
Чёрным молчанием всё утвердилось.
Твоя сестра молча лизнула губы. Высохшим языком.
Не время ей было думать о сладком.

Хий-и-и-и хайра-а-а-а...

Всё покатилося в ковыль.
Сквозь ветер тёмная копоть
Скользнула по серебряной холке холма.
Этим окончилось утро

Этим окончился вечер
Этим окончился месяц.

И новый месяц
луной взошёл полной
как грудь

Той молодой, которую взяли у водополя.

Взяли все

Не торопились. Смеялись

Волосы накрутили на корни

Молчала

Руки — ремнями к стволам —

Молчала

Глаза двигались немо и быстро.

Ноги не стали привязывать. Весело

Одежду рвали руками. Не торопились

Кто-то принёс огня

Прыгали и хохотали, жгли лоскутья

Холста и меха.

Нежная вся

Гладкая вся

Свежая, как молодая трава

Жаркая в страхе

Вся трепетала. Молчала

Каждый брал, что хотел

И сколько хотел

Кожу

Губы

Живот

И лоно

Сытно было, весело и хорошо

Весело.

Даже твой брат повеселел.

Чёрным сверкнул

Зубы блеснули.

Женщина, — он сказал сестре — я отдаю тебе
Эту женщину.
Дерзко сестра подняла голову
Рукою взялась за пояс его
Здесь, — сказала она — Баба только одна!
Она будет моей.
Сразу все перестали галдеть и перемигиваться
и стали в круг.
Сразу стало слышно, о чём говорил огонь
Что ему отвечала земля
И что отвечала польнь, в которую пала скомканная одежда.
Она взяла её
Вся — всю
Телом — тело
Никто не посмел глаз отвести.
Грудью о грудь
Животом о живот
Судорожно, жадно, бешено.
Обе крикнули —
Одна гортанно и удовлетворённо,
Другая хрипло и коротко. И тут же
Лезвие чиркнуло — и оборвало голос.

Все смотрели и не могли узнать,
Кто перед ними пел,
Широко расставив ноги.
Белый
Гибкий
Яростный
Пел, умываясь багряной росой.
Взошли звёзды и ты сказал:
— У меня было восемь братьев — теперь их девять.

Волна света побрела на запад
Прах остывал и корчился на месте костра
Что-то ушло и что-то пришло другое

Я уже не смог бы стать тем, кем я был
сегодня утром.

Род ящериц.
Древний род Козы
Последний из рода Олгой-хорхой
И первый из рода Пчёл.

Хой хийи-и-и
Хой хийи-и-и
Хой хийи-и-и
Арра кола хийи-и-и хой

Пробеги под выменем стельной коровы
И принеси нам маленького человека
Погонщика муравьев
Хой хийи-и-и

Покажи нам маленького человека
Который заставляет их строить круглый дом
Который будит их рано утром
и выгоняет на дороги
по которым никто больше не смеет ходить
Хой хийи-и-и

Закутай маленького пастуха в овечью прядь
Напои его овечьей слезой
Хой хийи-и-и

Согрей царя муравьев подмышкой,
Стоя без одежды на вершине Третьего Бобра
И ты узнаешь секреты и тайны нашего братства.
Ты станешь твёрдым как камень,
Ты станешь цепким как корень,
Ты станешь быстрым как вода —
Ты станешь мужчиной
Хой хийи-и-и

Трижды-три солнца
Бессвязный лепет восьмого круга камней
Здравствуй Эстэр.
Погладь меня по голове
Эстэр — зовущая ветер
Вот ты и стала другой
Что же, тебе от этого лучше?

Вянет вянет без конца
Всё так терпко и недвижно
Всё прохладно и безбрежно
Только ступишь от крыльца
Неподвижная рука

В сладком мороке изморе
Недоверчивое море
В жидком блеске молока

Ах как брошенно и горько
Ах как бешено и топко
Звонью звонкой тонью тонкой
Разливается пока...

Выбежала и бежала.
Затравленно
Безумно
бессмысленно,
упиралась в горло руками.
Убивалась
Волосы расплела
Но не смогла ничего выкрикнуть.
А выкрикнула бы и встала бы горбом вода
заволокла небо, зеленела бы насквозь тёплым светом.
Деревья бы оторвались от корней, всплыли бы
и качались, качались, ждали бы часа
чтобы породниться с драконами и орлами.
Но те не спешили бы к деревьям навстречу.
Потому что не так просто стать мужем дерева.
И тому есть много причин,
о которых мы пока не знаем
и можем лишь догадываться молча
и сожалеть о том
и ужасаться в тайне друг от друга,
не смея приблизиться
к источникам знания рождённого не нами
но до нас
не для нас
и потому недоступного и грозного.

Эстэр, Эстэр
Что ж ты молчишь
Взгляни
Ласточки — твои друзья
Принесли тебе ветки и перья
Вей гнездо
Эстэр
Вей, вей
Эстэр — зовущая ветер

Обольщению не будет предела

Всё так странно обернулось
Никто и не думал, что будет так
Так.

Кто зачеркнул строку сновидений?
И дрожащей рукой
Новую вписывает не спеша
И снова и снова
Цветение сменяет белая ночь
Каплю за каплей
Точит
Хрустальный сосуд весны
В железный сосуд смерти
А ты, мой ангел, всё торопишь меня
И смотришь так, словно я виноват
В бренности Прежнего далека
Не смотри так умоляюще,
Я лишь хранитель этих старых часов
Я сам лишь часть их
И власть над ними.
Дана мне далеко не всегда.

Ты стоишь, мой ангел,
у меня за спиной
Справа.

Ты смотришь в меня
И гладишь рукою плечо
Серый шёлк течёт по плечу моему.
А губы твои так несмелы
Ты шепчешь:
– Зачем ты всё так изменил?
Но я ничего не менял.
Это лишь брэнное Прежнее далеко
Отдалилось совсем
И запах сирени
С запахом розовых яблонь
Совсем смешались
в закатном дыму.

Мёда не будет этой осенью
Эстэр
Эта осень совсем не наступит теперь
никогда.
Белое станет местом
Зелёного края цветущих вод
От края до края
Без края и без конца
И белые странники
Будут нести огни в белых ладонях
Из края в край
Бескрайней белой судьбы.

Это третьей песни конец.

Он стал и вырос
у берега Песчаной реки;
он был смугл и тих
Как эта река
вливающаяся в души тихих людей,
живших здесь до него.
Он играл обрывками звуков
Тысячелетней давности,
Усеявших пляжи его земли.
И семена грядущих волнений
Казались ему лучшей пищей.
Так здесь было всегда

или
почти всегда
или
почти никогда

Или тогда,
когда тихие тихие родники
Слились. Сплелись
И стали рекой
В которую канули слёзы и смех

Без...
Без...
Без...

Те, кто любили ловить в песчаном волнении
Сгустки прошлогодних боёв,
Нашли его там, где кончалась слепая черта
И согрели

дрожащее тельце
Смежили губы

Напоили собой
И он теперь пах так как они
Ничем.

Высокая снежная гладь

Ты гладишь меня без конца
Не станем жалеть и пенять
Не станет у нас лица

Не станет теперь лица
Настанет пределов плоть
На раннем листе конца
Не вырвать не прополоть

И в кратком сплетении уст
Под шелест воздушных струй
Как мраморный блёсткий хруст
Не вызреет поцелуй

Пусть где-то горит горит
Пусть где-то родятся сны
Пусть где-то кладут гранит
Пускай обшлага красны

Не будет у нас лица
Не будет у нас лица
И выпитым лунам счёт
Уводит за грань свинца

Но нет сожалений в том
Кто станет меж нами течь
Он будет наш мир стеречь
Он будет беречь наш дом

И в сумраке долгих лет
Пусть копятя без конца
Немой поглощая свет
Немые как соль сердца

Данью было обложено каждое время
И в каждом времени
Была своя дань, свой данник
и время для данника дани.

Верхом, качаясь и таясь
Ты бедствуешь при том
И как отчаявшийся князь
Всё бьёшь и бьёшь хлыстом —
Выбери меня.
Мне нет кольца в твоей чаше
И пусть исполнится.
Вынеси меня на слепую черту
Мне нет названия в твоих книгах
И пусть исполнится.
Это говорю я, назвавшийся Асмос самозванно.
Каждому из твоих ты знаешь его удел и срок
но я без удела и срока волен сам избрать их себе.
Я — найдёныш Асмос.
И опусти глаза

Ты закопаешь мою постель
Вытрешь следы моих пальцев
с ножей и кувшинов
Ты заметишь мой след
среди следов других
Так будет нужно.
И река подступит к слепой черте
И луна упадёт в реку
И всё станет бездвижно и незапамятно
И будет прилив реки
И пусть исполнится.

И вот теперь мы видим как проникает пустота
в тело Бессонной Матери
словно соль бегущая по поверхности камня
взвихривается стелется втягивается чинно безудержно
вынесите небесные тела из окружности действий
и сплетайте сплетайте нити сурового дня
вытягивайте всё что может расти и двигаться
всё что обладает причинами и смыслами
неподвластными наступающим принципам Безводья
пробирайтесь всё выше и выше
всё ниже и ниже отступайте
растягивайте смешивайте стирайте
всё что обладает направлением
разглаживающих складок и морщин
струны сил окружите вдвоём втроём
и глазами пейте пейте пейте клонитесь
и пусть ваш смысл воплощается в развоплощении
стремительных бегущих судорог
наполняющих весь хоровод ценностью иллюзий
но не имеющих самооценности
клонитесь клонитесь
упритесь безликостью безглазого
в окружность благодатных стремлений
и вытягиваясь засыпая просыпав вести
с передних краёв вытирайте высушивайте смешивайте
пока не покажется побелевший обветренный остов
с которого начинается новое стремление
врасти свернуться сплотиться вокруг себя
и уничтожить извергнуть круг самости
вплетённой в самую сущностную сторону исповедимости
обращённой в семя и прах разными концами
раздваивающимися в местах пересечения
с геометрическими судьбами фигур.

Красное мешается с синим.

Здравствуй непротивостоящее
Прощай проникающее.

Дань уже уплачена
и пока свободные, они идут пока жить
Покажите им знак собаки
бегущей по звёздному кругу
Пусть все узнают
что дань молча вошла в прилив
и кратно умноженная
в движении своём
была последовательна
и близка.
Покой
есть
высшая
данность
умноженного
на миг
совершенства.

Ждал ли Асмос боли
или
Плыли в иле
Окончанья
Растравили
Замутили
Милли
Милли
Обещанья.
Но в детской руке твёрдо граничил клинок
с желанием стали и блеска
Слова излишни в блеске клинка
И выбор вчерашний вскипел на губах ребёнка
Вчерашнего ребёнка
Встретившегося с неисповедимым покоем
И покой пал
И выпала целая зримость
из бега судьбы
И сразу настал день

Так прошлогодний бой принял в себя ещё одного бойца.

Старый сочный гул
Сонный баритон
Прошедшего года
Пожалуй, это не голос
И может быть не погода
Наверное, это дракон перепончатокрылый
С глазами как чайные блюдца
И лапами свитыми из потемневшей пеньки
Наверное, это урон нанесённый мною
Меднокожей осени,
Уходящей за голосом брэнного прежнего времени.
Кто спросит у него разрешения войти
Или у меня, не нужно ли мне чего
Кто бы ни спросил —
Не получит ответа.
От ветра шелестит край забытого настёжь окна
Синеют сумерки
Горы встают пастельной белизной
Их красит луна розоватым бликом.
Это слишком
Их нет здесь
Они далеко.
Они грозят вытеснить город с лица земли
Но так не случится
Их остановит война.
Война
Война
И дети в бою
И грозы в бою
Поют нескончаемые облака
Седьмую молитву детей на горящих конях.

Гори - гори - ясно. Гори - гори - ясно...

Покой, под пеплом в полях полынь
и снова покой
и снова и снова — Гори...

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Вышел месяц,
Вышел светлый.
Дождик, дождик, перестань.
Гори, гори ясно,
Гори, гори ясно.
Я поеду в Арестань.
Я поеду, я уеду,
Я уйду на букву С.
Чтобы не погасло.
Инте-инте-интерес.
Мы везде ходили, мы везде бродили,
Мы водили хоровод,
Чтобы солнце красно,
Чтоб светило классно,
Чтобы не погасло круглый год.
Чтобы было,
Чтобы сплыло,
Чтоб весёлые качели
Над полями-городами,
Над горами, над лесами,
Словно птицы полетели.
Словно птицы, словно синицы,
Словно белые вороны.
Гори, гори ясно.
Гори, гори ясно.
Заряжай в ружьё патроны.

Эля качеля!

Гори...
Словно ворох цветных петард вломилось
щебечущее воинство в клочущий сумрак и туман.

Брызнули пламенем передние ряды.
Вздрыгнул на горизонте лес.
Вихри пара плеснуло в небо.
Мгновение казалось — передние ряды смяты и отброшены, —
атака захлебнулась. Но нет — левый край пробил оборону
врага, вклинился языком цветистого карнавала в
серую гущу и втягивался в пробитую брешь колонна
за колонной. Туда — внутрь, к сердцу, к центру
смысла войны

Бить и гореть.

Мог ли мечтать Асмос,
играя отбросами бывших времён
о месте в этих рядах,
о мести за выпитый звон
за выпитый смех
за выпитый цвет.

Несколько времени Асмос не видел ничего перед
собой, кроме пёстрого мельтешения, ярких
искр и где-то в вышине колышущегося бледного
пламени стяга. Но вот уже встали и задвигались
перед ним сумрачные тени и дуновение
забытья коснулось его рук и лица.

Вскрикнул Асмос.

И меч его взвился над головой, рассекая стремящиеся
к его глазам стрелы.

Бой длился день —
Казалось целый год.

Один лишь

Из многих и многих
безуспешных, безвестных боёв.

Слава воинам в светлых доспехах огня!
Бескорыстным наёмникам праздника.
Павшим прямо в неба голубизну из самой гущи
и толчеи, из смертельной радости схватки.
Раскинув руки, смеясь, ушли они строй за строем
высь, чтобы там продолжить строить песчаные
города и ходить к далёким островам на флотах
из картона и щепок.
Слава им!

Асмос очнулся далеко от поля победы покоя,
один и безоружен. Стрелы врага лишь задели
его слегка и ему выпал жребий быть дальше.
Пока не сгорел закат, он сидел в чаще леса,
издалека наблюдая движение уходящих победителей
и последние вспышки уносящихся в небо детей,
потом побрёл лесом, задыхаясь от сухости жгущих ран.
Качались деревья
Качались камни
Качались луны
И в этой качке столкнулись жизни двоих.
Асмоса шедшего поперёк войны
И девочки вынесенной из битвы потухшим конём.

Молчаливое эхо потерь
Наступает на нас наступает
И не знает
Никто не знает
Где находится тайная дверь
Где находится тайная щель
За которой лежит
И не тает
За которой светает светает
За которой никто не лает
И не рыщет лохматый зверь
Где находится тайный знак
От которого волны счастья
От которого никнет враг
И молчит смущённо ненастье
Закрывая нечистый зрак
Но сдвигает нас время вместе
В месте ближнем и дальнем месте
И мы вместе идём по кругу
И печалимся лишь о том
Что в каком-нибудь страшном месте
Что в неслетлом ненужном месте
Мы когда-то не будем вместе
И куда-то зачем-то уйдём.

Он увидел потухшего коня и фигурку скорчившуюся,
вцепившуюся заочневшими руками в гриву, ощипанную
сражением, и взялся рукою за уздечку

догнав, остановил

и принял на руки тяжесть тела.

Шлем свалился с головы,

Рассыпались волосы и смешались с кровью и копотью.

Он опустил её на землю.

Её не было в ней. Она была не здесь.

Она остывала молча и всё остывало вокруг.

Стеклянная ночь стояла над ними прозрачная и нагая.

Холод наплывал и наплывал со стороны прошедшего
ужаса, забирая у них жизнь.

Он лёг рядом с ней и укрыл её собою от

дыхания неизбежности. Всё сломалось в его голове

и перемешалось. И где-то в голове что-то громко,

но далеко било и било раз за разом, сдвигая его

Я в сторону противоположную той, в которой он

находился. Горечь стояла плотно в горле и деревья

вокруг беспокойно двигались, ворочая корнями,

складываясь и раскладываясь. Но потом стало теплее

и легче. И что-то взорвалось позади ярко и пришло

небытие.

Великое чрево,

Бескрайнее лоно

Матери злых цветов

Производило их сотнями.

И воздух сотрясался ветром крика

Рождённой толпы

После этого становилось тихо.

Тишина молила о пощаде

Исчадий

И неслись на запад горы рождённого пара и пепла.

Что-то раскачивалось и крепло.

Маятник машины добра останавливался —

На мгновение,

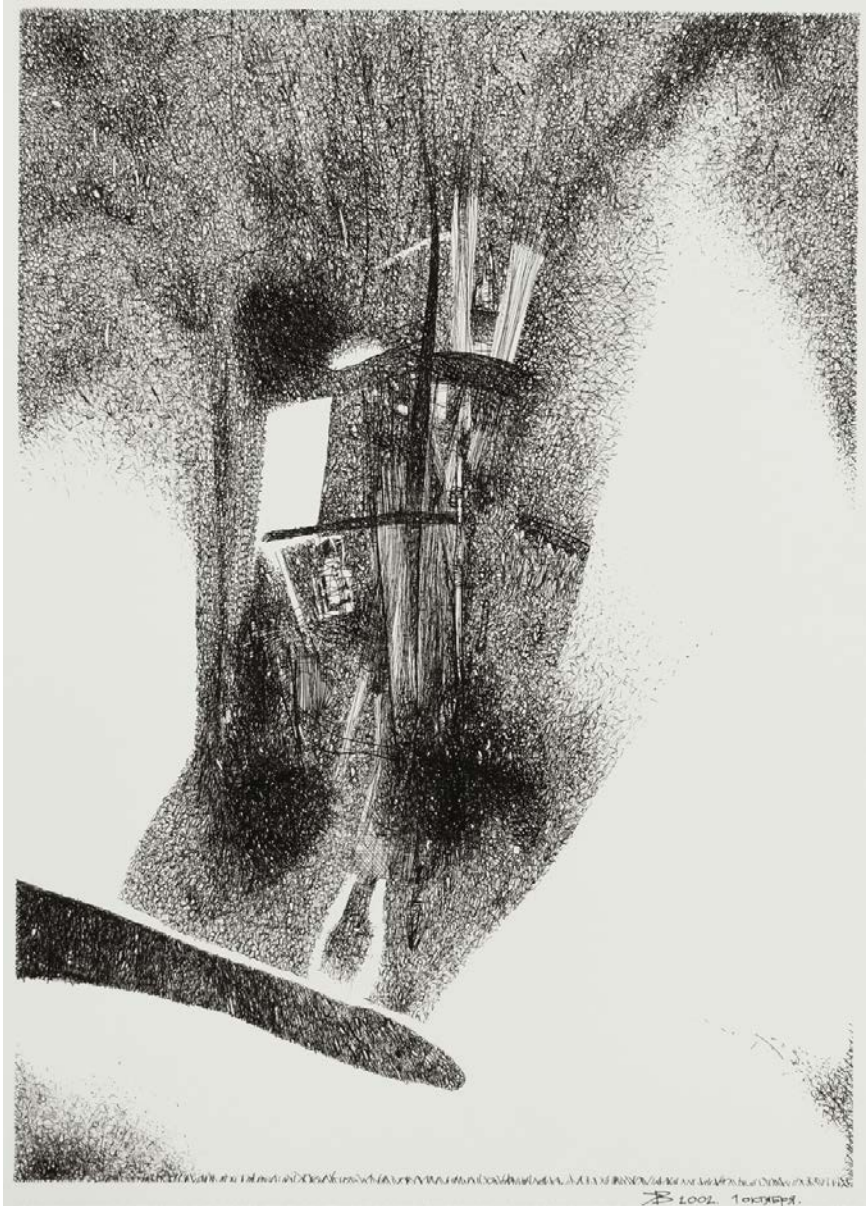
Испытывая касание холодных глаз

Новорождённых.

А принесённые в жертву
Просились обратно в мир
Как будто это что-то могло решать
В это утро,
Утро рождения злых цветов.
А потом они шли на запад
И каждый из них думал
О сотрясающейся под ногами почве,
О ночи освещённой мерцанием
Глаз братьев и сестёр.
А впереди уже алел костёр,
А позади вздыхали волхвы,
Опоздавшие со своими безделицами.
А пламя рубило воздух крыльями
Ветряной мельницы
И вряд ли безумный идальго
Сразился бы с этим великаном.
Великаном приветствовавшим
Последний прыжок детей.

А свет наступил.
И вместе с ним удалилось и ушло вчерашнее и всё
прошрое.
Он открыл глаза и увидел перед собою лицо и
Откатался в сторону.
И она открыла глаза и губы её зашевелились.
Но звук не слушался её губ.
Он придвинулся ближе и понял.
Кто ты?
Асмос.
А ты?
Геля, — сказала она.
Геля.
Геля и Асмос — дети.

Это конец песни четвёртой.

Что же. Я сам кроил их,
Я сам стоял на краю
Крыши
Держа тебе локти
И стыдная прихоть смеха
Была на моём лице.
Прости.
Где ты теперь?
Никто из них не расскажет мне о тебе.
Говорят что не знают,
Смущённо молчат,
Чистят перья
Или гладят смеясь чёрными искрами
И хлопают по плечу
крылом.

Вчера гостил один, тот крупный — старый,
С золотистыми ободками вокруг глаз
И сказал:

— Забудь пока.

Но не насовсем
Пусть надежда будет светла
Пусть отчаянье будет тихим
Она будет к тебе приходиться раз в тысячу лет
Лишь на один день
И не кричи
Знай
Что тебе дарована участь лучшая
Из многих способных быть
Один день счастья — раз в тысячу лет.

Потом помолчал и сказал:

— Хочешь, я расскажу...

Слушай.

С той стороны,
Где страна деревьев растущих прямо из моря
А деревья эти — дома и горы, и доли
И пашни
И тропы
И непроходимые чащи,

Есть излучина Беззвучного Костра,
Который тлеет и тлеет бессчётное количество поколений,
Не имеет рождения
Не имеет пепла
Не имеет жара
И хозяина, подкладывавшего бы в него хворост.
Этот костёр жив и поныне
И под тем костром ещё страна
И можно туда спуститься
и подняться оттуда.
Это страна Менгов, строящих стены из всего,
что оказывается вокруг.
А под этой страной огромная пустота
в которой живут те, кто не знает верха и низа,
права и лева,
того что впереди и что позади.
Они — Живущие Во Все Стороны.
Куда бы ты не двигался сквозь их пустоту —
Всё равно придёшь в землю,
Где всё колющее
И почва и предметы и воздух
Жить там тяжело.
Но через эту землю можно попасть туда,
где люди рождаются стариками и живут наоборот, —
пока не станут младенцами.
Там и явился Март.

Март — самый старший,
Пришелец с глазами хрустально-прозрачными.
Ты всюду несёшь за собой дыхание жаркого синего снега
Дыхание горных молний
И ласковый грохот степенных бесед великанов.
Никогда не отступающий Март.
Ты так много умирал
И снова рождался
Для новых дорог
того же пути.
Что успел позабыть то, что будет
Но прошлое — это твоя стезя
Для тебя нет здесь закрытого
Ты ходишь туда, не таясь

Я сын Его. Это совсем не то,
О чём ты так много думала
О чём так долго хотела узнать, Метэ.
Я совсем не знаю отца
Я ни разу не видел его
Говорят, что те, кто видел Его лицо, стали слепы
Я не видел. Но я слеп
Да, слеп
Не вижу
Не вижу того, что видит почти каждый. Все
Зачем я?
Куда уходят пришедшие птицы?
О чём плачет дождь?
Зачем люди бывают злы?
Чем умывается море чтобы стать весёлым и ясным?
Таким я явился на дне этого мира.
Видишь, Метэ, по краю светила бегут лёгкие тени
Это летят корабли Беспокойных Садовников:
Целый флот —
Все как один подняв паруса розовых лепестков.
Ты не видишь отсюда, но я знаю —
На палубах играют мальчишки,
Кричат боевые кличи, бегают наперегонки,
Смеясь подбегают к огромным боевым арбалетам,
нацеленным в небо
И делают вид, что пытаются натянуть тетиву
Взрослые окликают их:
Нельзя шалить рядом с оружием.
А девочки сейчас
В глубинах просторных трюмов,
В дальних углах,
В сиреновой полумгле
Расплетают прошлогодний дёрн,
Осторожно раздёргивают хрупкое кружево
На лёгкие бестелесные нити.
Их надо собрать все до одной
и скатать в большие клубки
Больше твоего роста, Метэ
Это урок

Проникай в лучшее,
Чтобы встретить в нём
Панцирь оставленный тобою давно,
Оглядеть его со всех сторон,
Тронуть шершавую корку рукой,
Землёй погреметь, насыпавшейся вовнутрь
Тебя
Смотри — это был ты
Смешно
Это только коробка, Она пуста
А сейчас?
Мы путешествуем из коробки в коробку.

Есть неизъяснимая прелесть в тайне ухода.
У входа тебя ожидают?
Иль нет?
О чём там поют и плачут?
И есть ли там вовсе кому плакать и петь?
Вешне ли там?
Или донная тень неотступно стоит,
заклучая в себе всё совершенное
и то, чему лишь ещё предстоит совершиться?
Тайна манит тебя.
Крохи речённого кем-то вернувшимся
Или падшим
скопившись в твоих карманах,
Ежедневно отягощают чело размышлением.
Родина кажется тебе пресна
Тебя влекут дороги и тропы
недоступных и прятных мест
Кровь волнуется рассказами чужаков,
мимолётно заставших тебя в отчих пределах
Мысли твои не с тобой
Они как краснопёрые рыбы
Больших рек
Зачав, уходят в студёную безбрежность
Отчаянно-далёкого.
Ты прельщён.

Тебе придётся много ходить.

Когда духи стеклянных долин
Отворят тысячу троп
На жёлтый восток,
Где сходятся все окончания,
Когда Асфальтовый Зверь
Расскажет все сказки
И пропоёт все песни,
Нашёптанные корнями домов и башен,
Когда Плюшевый Зверь
Убаюкает все глаза напуганные зеркалами,
Вы придёте ко мне и скажете — Хэй!
Ваши глаза растопят меня
И я удивлюсь
Мы бросим в светло-чёрное небо
Тёмно-белый флаг,
Будем плясать и плакать,
Держась за руки,
А звёзды
Станут щекотать наши лица
Своими усами,
Сверчки сыграют нам
Все сонаты в мире,
Чтобы мы быстрее выстроили
Замок из сена и червонных брызг
И взобравшись на его подоконники,
Крикнули — Хэй!

И все крикнули — Хей!
Стали в круг:
Взорвалась цветущим огнём осень,
Небо кипело как молоко,
Скалы вокруг танцевали легко,
Звери и люди —
И высоко
Солнце стояло над ними.

Венчание
И в подвенечных одеждах
Встретились они с вечером
И всё пели и пели
Любя
Играя
И говоря о своей любви

Рыбам нужна вода
А мне нужна ты
Ты есть
И я плыву
На запад
На восток
На юг и север
Моя вода
Мой океан
И светлый
И сумеречно-золотистый
Тёплым течением несёт меня
Мимо твоих берегов
Мимо твоих островов
Заманчивых и нежных
Во влажном струении Бесконца
Тону ли я?

Нет.

Это ты принимаешь
Меня в свои глубины.
Прощайте звёзды и солнца,
Я уйду навсегда
В глубоководное счастье,
В радость безумных давлений
О, планета робкого блеска глаз.
Иди мне навстречу,
Лови меня судорожным волнением облаков
Твоих облаков
Держи меня в объятьях притяжения:
Я комета —
Я превращаюсь —
Я рыба лунных костров,
Открывающая тебе навстречу
Своё дыхание спутанной жажды
И ты знаешь, кто может утолить
Меня без остатка.

Мой светлый, мой всегда юный спутник,
Дай мне руки,
Взгляни мне в глаза –
Пусть всё остановится:
Ждёт и молчит —
Всё исчезло,
Кроме тебя и меня.
Я хочу, чтобы ты
Обнял меня
Вот так
Смотри на меня
Смотри
Голова так кружится
И так легко и вольно
Мы парим
Я ждала тебя тысячу лет
И вот ты пришёл
Ты снова нашёл меня —
Ты искал

Ты искал меня всю эту тысячу лет
После ты мне расскажешь
Что было
И как ты жил всё это время,
Но не сейчас.
Расплавь моё сердце
Расплавь меня
Пусть будем во влажном струении Бесконца
Мы веселы и легки
Пускай совершится чудо
Единства тебя и меня.

Март читал прошлое,
Сидя у ног Метэ,
Которой не было с ним
И говорил собравшимся
Вокруг них остальным:
Это всё было
И это всё наверное будет опять
И не раз.

Это конец рассказа Князя Пришедших Птиц.

2002. 6 октябрь.

Литературно-художественное издание

КОЛОТВИН Валерий Викторович

ПЕСНИ ПРИШЕДШИХ ПТИЦ

Героический эпос детей

На обложке и в тексте – рисунки автора.

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»